

мало неточностей, утверждая, например, будто часть крестьян под Чигирином отстаивала «право общинного землепользования» (I, с. 222), тогда как они, по свидетельству киевского губернатора, желали «не общинного владения, а душевого наследственного (или, другими словами, того же участкового), но который был бы отведён через казённых землемеров каждому хозяину на ревизскую душу»¹⁸. В результате, комментарии Г.С. Кана к этому разделу (I, с. 559–561) более интересны и содержательны, нежели сама «интерлюдия».

Излишне затянутой представляется и глава о пропаганде землевольцев среди рабочих (I, с. 462–555). В отличие от Г.В. Плеханова, Михайлов возникает в ней лишь эпизодически (на 17 страницах из 93), при том, что если верить В.Н. Фигнер, он «горячо относился к делу рабочих». Правда, ей запомнилось, что «он не посещал рабочих кварталов, но действовал как организатор». Пелевин же показывает, что в 1878–1879 гг. «Михайлов принимал самое деятельное участие» и в агитационных «беседах» с фабричными, и в поддержке забастовщиков, с которыми встречался лично (I, с. 484–486, 497–498, 528). И хотя «Александр Михайлов как последовательный народник также не считал пролетариат самостоятельной силой» (I, с. 476), у него всё же вызывало досаду то, что «влияние землевольцев в рабочей среде было меньшим, чем хотелось» (I, с. 552–553). Однако и эти наблюдения, и конкретные эпизоды стачечной борьбы, в подробностях изложенные автором, хорошо известны в историографии. Конечно, обильная детализация глубже погружает читателя в обстановку конца 1870-х гг., но в итоге возникает ощущение, что в книге много «эпохи» и сравнительно мало самого Михайлова. Возможно, учитывая состояние рукописи Юрия Александровича, издателям вообще не стоило «доводить» её до монографии, а следовало ограничиться подготовкой сборника избранных трудов учёного, включив в него и наиболее интересные фрагменты недописанной биографии «Дворника»?

Книга Ю.А. Пелевина, пытающаяся объять необъятное, не предлагает какой-то новой концепции революционного народничества и во многом развивает идеи В.Я. Яковлева (Богучарского) (I, с. 11). Тем не менее она подталкивает историков к обмену мнениями о неудобных и дискуссионных аспектах, казалось бы, уже давно исследованных проблем и помогает увидеть их новые грани.

Андрей Воронихин: Движение революционных народников в монографии Ю.А. Пелевина

Andrey Voronikhin (independent Researcher, Saratov): The Movement of revolutionary populists in the monograph by Y.A. Pelevin

DOI: 10.7868/S3034579025060061

Научным руководителем Ю.А. Пелевина в Московском университете был профессор М.Г. Седов (1912–1991), известный своей монографией

Материалы всероссийской научной конференции. Ростов н/Д, 2015. С. 123–128; Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии чигиринских крестьян) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы IV всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Нижневартовск, 2015. С. 251–254.

¹⁸ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 59.

«Героический период революционного народничества»¹⁹. Написанная темпераментно и ярко, она до сих пор остаётся одним из главных комплексных исследований истории партии «Народная воля». Однако некоторые взгляды и оценки Пелевина гораздо ближе к суждениям таких историков начала XX в., как В.Я. Яковлев (Богучарский) и А.А. Корнилов. К примеру, рассказывая о событиях периода «хождения в народ», автор указывает на их «самотечность» и бессмысленность. Он изображает это движение так, словно оторванные от народа нигилисты-идеалисты, в основном студенты и гимназисты, вдохновлённые подцензурными изданиями, потекли разрозненными ручейками по бескрайним российским просторам и наткнулись на глухую стену деревенского невежества, религиозного смирения и веры в решение насущных проблем исключительно «царём-батюшкой», и не будь сумасбродного преследования мирных агитаторов-пропагандистов со стороны бездушного правительственного аппарата, их порывы сами собой рассосались бы и перетекли в легальные формы культурной работы и помощи крестьянам. Во всяком случае, до появления в тексте А.Д. Михайлова энергия движения революционных народников в монографии не ощущается. После исследований профессора Саратовского университета Н.А. Троицкого²⁰, описавшего вполне осмысленные действия и весьма неординарных участников «хождения в народ», отвлечённые рассуждения Пелевина выглядят неубедительно.

Вызывают недоумение и очевидные противоречия. Сперва утверждается, что «кружок москвичей» будто бы «положил начало» «первой террористической организации в России» (I, с. 114), но уже на следующей странице эта характеристика признаётся поспешной, поскольку, как выясняется, «до подлинной централизованной подпольной организации “москвичам” было далеко» и «не случайно “кружок москвичей” в уставе именовался “общиной”» (I, с. 115). Но ввести в научный оборот понятие «первая террористическая община в России» автор не решился. Вместе с тем, анализируя программу «Земли и воли» и говоря про включение в неё слов о дезорганизаторской деятельности революционеров, Пелевин отмечает, что «это нововведение открыло — пока что теоретически — террористическую борьбу с царизмом» (I, с. 251). Встречаются в тексте и фактические неточности. Так, подпольная мастерская И. Пельконена располагалась в Саратове на Царицынской улице, которая никогда не носила имя Н.Г. Чернышевского (I, с. 145), а теперь называется Первомайской (дом 88). В примечаниях научного редактора участницей процесса «50-ти» названа не Лидия Фигнер, а её более известная сестра Вера (I, с. 557).

Программные и организационные принципы «Земли и воли» выявлены в монографии достаточно полно и с учётом предшествующей историографии. Широкими мазками очерчена жизнь землевольцев, обосновавшихся в Торопецком, Саратовском и Тамбовском поселениях, показаны результаты работы землевольцев-«сепаратистов». Глава «Александр Михайлов среди раскольников» является, пожалуй, самой оригинальной частью первого тома. Всесторонне освещена автором демонстрация у Казанского собора в Санкт-Петербурге 6 декабря 1876 г. (с последующими арестами, судом и откликами на случившееся).

¹⁹ См.: *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества (из истории политической борьбы). М., 1966.

²⁰ *Троицкий Н.А.* Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов, 1991; *Троицкий Н.А.* Крестonosцы социализма. Саратов, 2002.

Разбирая «Казус Засулич», Пелевин пытается нейтрально писать о борьбе народников с самодержавием и не «выступать адвокатом ни одного из дьяволов». Однако все его усилия нивелируются финальным заключением: «На правительственный террор, исходящий из царского дворца, революционеры ответят терроризмом из подполья» (II, с. 91). Тем самым именно политика властей объявляется первопричиной противостояния «двух дьяволов». Авторская позиция прорывается и в тех неуклюжих эпитетах, которыми награждён в тексте Ф.Ф. Трепов: «царский преторианец», «раненый официал», «пострадавший полицаиант» (II, с. 22, 31, 30).

Как установил Пелевин, в 1877–1878 гг. эффективным агентом «Земли и воли», завербованным Михайловым, являлся помощник письмоводителя во 2-м полицейском участке Нарвской части В.Д. Березневский, впоследствии ставший толстовцем. Этот «мужественный революционер» после ареста «на допросах вёл себя стойко и никого не выдал» (II, с. 189–190). А в начале 1879 г. в III отделение Собственной е.и.в. канцелярии по совету Михайлова внедрился Н.В. Клеточников, который затем в течение двух лет раскрыл революционерам имена 385 осведомителей, включая 115 постоянных секретных сотрудников (II, с. 222). Такого провала политическая полиция империи не знала ни до, ни после.

Тем не менее, изучив откровенные показания, данные Клеточниковым на следствии и ставшие главной уликой против него на «процессе 20-ти», Пелевин пришёл к выводу, что «этот человек оказался совсем не революционером по своему характеру и темпераменту» (II, с. 224, 248). Собственно и Михайлов писал о нём из тюрьмы товарищам: «Он — не революционер, но человек передовой и желающий служить обществу против застеночных учреждений» (II, с. 245). Сам Клеточников также заявил на суде: «Я не революционер по убеждениям» (II, с. 345). Вот только нанесённый им урон самодержавию и его готовность, объявив голодовку, пожертвовать собой для изменения тяжёлых условий одиночного заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (II, с. 246)²¹ свидетельствуют о том, что это был видный представитель революционного движения, даже если он и впрямь, по словам Михайлова, лишь «платонически разделял взгляды прогрессивной социально-экономической теории» (II, с. 345).

О мировоззрении Клеточникова историки могут судить только гипотетически, тогда как его дела нельзя игнорировать. Пелевин признаёт, что «Клеточников обезопасил существование не только “Земли и воли” и ранней “Народной воли”, но и т[ак] н[азываемого] северного Исполнительного комитета и боевой группы при нём “Свобода или смерть”». Он же предотвратил разгром типографии и динамитной мастерской народовольцев. А разоблачение им А.Я. Жаркова на какое-то время продлило работу типографии «Чёрного передела» (II, с. 222–223).

Едва ли это обесценивается из-за того, что он не мог молчать на допросах. «Клеточников, — пишет Пелевин, — выдал революционерам всё, что узнал на службе в органах государственной безопасности. С другой стороны, он выдал

²¹ По словам Троицкого, «не будь мученической жертвы Николая Клеточникова, и Михаил Фроленко, и Николай Морозов, и Михаил Попов, перенёвшие все ужасы 20-летнего заточения в Шлиссельбургской крепости и в конце концов освобождённые революцией 1905 года, погибли бы вслед за Клеточниковым ещё до Шлиссельбурга в Алексеевском равелине» (*Троицкий Н.А. Подвиг Николая Клеточникова. С. 75*).

властям предержащим всё, что ему было известно о народническом подполье. На следствии он оговорил всех “преступных лиц”, с кем был связан, умолчав лишь о Н.Н. Оловенниковой. Однако Клеточников знал о революционерах настолько мало, что не смог принести большого вреда никому, кроме [А.Б.] Арончика» (II, с. 247). Да и того обвиняли прежде всего в участии в покушении на Александра II под Москвой, о чём было известно из показаний Г.Д. Гольденберга.

На суде Клеточников держался достойно не только потому, что «вновь попал в круг влияния Михайлова», но и поскольку имел внутренний нравственный стержень. «Клеточников ведёт себя прекрасно, решительно и достойно, — сообщал Михайлов друзьям на волю в дни суда. — Он говорил спокойно, хотя председатель палачей набрасывался на него зверем. Выставленные им мотивы истинны и честны». После оглашения приговора Александр Дмитриевич не скрывал своих чувств: «Горюю о Клеточникове, которому сулят смерть. Я с ним крепко-крепко поцеловался, сказал ему, что умрём друзьями, как жили» (II, с. 245). Признав свою вину, Николай Васильевич надеялся умереть на эшафоте и, в отличие от Арончика, не подал прошение о помиловании. По-видимому, исследователь не понял описанный им феномен. Для Пелевина «прецедент Клеточникова — результат искусной организационной и конспиративной деятельности Михайлова», который «верно определил личностные границы своего агента» (II, с. 247–248). Впрочем, Михайлов как раз утверждал, что «Клеточников достойный всяческого уважения человек» (II, с. 245).

В завершающем книгу отрывке из диссертации Пелевина кратко сказано о том, как Михайлов вопреки мнению членов Основного кружка «Земли и воли» «на свой страх и риск» организовал попытку цареубийства: «2 апреля 1879 г. во время прогулки Александра II после условного знака А.Д. Михайлова А.К. Соловьёв четыре раза почти в упор стрелял в царя, но ни одна пуля даже не задела монарха, а ведь А.К. Соловьёв был прекрасным стрелком. Видимо, он и “не хотел его убивать”». При этом историк ссылается на рукопись мемуаров Н.И. Сергеева «Из жизни людей семидесятых годов» (II, с. 278). Между тем Г.С. Кан в комментариях отмечает: «Суждение о том, что Соловьёв был прекрасным стрелком, восходит только к его собственному утверждению, а мнение Сергеева, что Соловьёв намеренно стрелял мимо, не находит никакого подтверждения» (II, с. 355).

Однако нежелание убивать Александра II могло объясняться осознанным расчётом, напугав царя, вырвать у него уступки. Как бы то ни было, 24-летнему «знатоку человеческих душ» Михайлову приходилось выбирать из трёх добровольцев, находившихся на нелегальном положении и готовых участвовать в покушении на монарха. Это были участники убийства харьковского губернатора кн. Д.Н. Кропоткина «южане» Гольденберг (23-х лет) и Л. Кобылянский (22-х лет), а также земледелец-«сепаратист», земский учитель из Саратовской губ. Соловьёв (32-х лет), который, по выражению хорошо знавшей его В.Н. Фигнер, принадлежал к числу тех, кто и «мухи не обидит»: «Высокого роста, худощавый, *он был неловок в техническом отношении*, и в обыденной жизни с ним часто случались разные приключения, вызывавшие шутки со стороны близких товарищей... Пойдёт гулять... непременно попадёт в какое-нибудь болото, заблудится и не найдёт дороги; в городе, будучи нелегальным, забудет адрес своей квартиры; при ночной встрече с полицейским на вопрос: кто идёт? — по какому-то чудачеству отвечает “чёрт” и попадает в участок...

Общий вид Соловьёва был суровый, что находилось в полном противоречии с его кроткой душой... Он был хорошим человеком и, если бы сравнение не было избитым, я сказала бы, что добр и незлобив, как ребёнок»²². На исходе 1878 г., приехав к Фигнер в саратовское село Вязьмино, Соловьёв сообщил ей о желании лишить жизни Александра II. Собеседница «была ошеломлена: до тех пор мысль о царевубийстве никогда не являлась в революционных кругах. Об этом не думали и не говорили». Позднее она вспоминала: «Ни во время суда надо мной в [18]84 году, ни до него я не находила нужным объяснять, что *моё отношение к решению Соловьёва было совершенно отрицательным*. С общереволюционной точки зрения, я считала предположенный акт бесполезным, в случае неудачи — вредным... Вера Соловьёва, что вслед за царевубийством... произойдёт народное движение, революция, казалась мне полнейшей иллюзией, не имеющей никакой реальной почвы под собой... С тяжёлым чувством рассталась я с Соловьёвым. Не говоря о теоретических соображениях, *я заранее была уверена, что он совершит лишь неудачное покушение и умрёт на эшафоте*»²³ (выделено мной. — А.В.).

В то же время А.И. Зунделевич энергично возражал против того, чтобы к гибели императора оказался причастен Гольденберг, опасаясь неизбежной в этом случае волны еврейских погромов. Кандидатуру Кобылянского отклонили по схожим соображениям, дабы не придавать делу вид польской интриги. К тому же «опытные» террористы Гольденберг и Кобылянский просили лидера землевольцев обеспечить им отход после нападения, что требовало времени, денег и дополнительных организационных усилий, Соловьёв же, по словам Михайлова, соглашался «*в любой момент принести себя в жертву*». Более того, он взял с собой яд и принял его, хотя знал, что император не погиб.

На то, что Соловьёв собирался не убить, а погибнуть, указывает и день, выбранный для покушения — 2 апреля, Светлый понедельник. Какую реакцию у православных подданных вызвало бы убийство помазанника Божьего на второй день Пасхи? Ведь стрелок, если верить Фигнер, надеялся всколыхнуть народ.

Возможно, Михайлов имел в виду и то, что при провале одного из представителей «Исполнительного комитета Русской социал-революционной партии» расследование привело бы тайную полицию на юг России и ударило бы по «кружку В. Осинского», уже практиковавшего индивидуальный террор. Выявление же связей Соловьёва переключало внимание III отделения Собственной е.и.в. канцелярии на Поволжье, где народники (в том числе С.Л. Перовская и Фигнер) ещё колебались между оседлой пропагандой и вооружённой борьбой с правительством. Но тогда и им пришлось бы присоединиться к дезорганизаторской деятельности революционной партии.

Как бы то ни было, после *трёх не устраниющих, а устрашающих акций* народовольцев — выстрелов Соловьёва, подрыва железнодорожного полотна под свитским поездом (когда уже стало понятно, что царский состав прошёл первым) на въезде в Москву 19 ноября 1879 г., и, наконец, взрыва в Зимнем дворце, осуществлённого 5 февраля 1880 г. С.Н. Халтуриним, у которого

²² Фигнер В.Н. Александр Соловьёв // Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. С. 198–199.

²³ Цит. по: Воронихин А.В. Один год из жизни Веры Фигнер (новое о саратовском поселении землевольцев 1878–1879 гг.) // Освободительное движение в России. Вып. 15. Саратов, 1992. С. 105–106.

не нашлось необходимого количества динамита для гарантированного уничтожения цели²⁴, — чрезвычайные полномочия получил генерал-адъютант гр. М.Т. Лорис-Меликов, убедивший императора в целесообразности совмещения репрессий и либеральной политики. Однако смерть Александра II от метательных снарядов «Народной воли» не позволила осуществить намеченные преобразования.

Незавершённая монография талантливого историка займёт достойное место в отечественной историографии. Ю.А. Пелевин убедительно показал лидерство Михайлова на заключительном этапе деятельности «Земли и воли» и в начале борьбы «Народной воли», а проведённый им многомерный анализ важнейших событий, связанных с движением революционных народников, вновь заставляет размышлять о внутренней логике их противостояния с самодержавной властью.

Василий Зверев: «Беспочвенные мечтания» или революционная альтернатива?

Vassiliy Zverev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Groundless dreams» or a revolutionary alternative?

DOI: 10.7868/S3034579025060079

Издание книги Ю.А. Пелевина «Александр Михайлов и его революционная эпоха» нельзя не приветствовать. В последние десятилетия на фоне интенсивного исследования истории русского либерализма и консерватизма революционные идейные течения и движения вольно или невольно оказались в положении «нелюбимого дитяти». Во всяком случае, после перенесённых Россией революций выражать к ним симпатии как-то не совсем в духе времени. Уже поэтому работа, претендующая на концептуальное осмысление во многом переломной для страны эпохи, важна и значима.

При этом её ценность лишь возрастает от того, что сущность событий, идейных споров и поисков революционеров раскрывается в ней через изучение, в первую очередь, изломов человеческой судьбы одного из незаурядных семидесятников — А.Д. Михайлова. Тем самым она возвращает нас к вопросу, живо обсуждавшемуся ещё в конце XIX в.: почему лучшие представители молодёжи, наделённые талантами и выдающимися качествами, нередко презирали желанную для многих карьеру в государственных учреждениях и избирали служение народу, не сулившее никаких благ и привилегий, кроме славы «народного заступника, чахотки и Сибири»? Любопытно, кстати, что современные «сладкоголосые птицы» самодержавия, привычно демонизирующие революционеров, не спешат героизировать их противников. Да и кто из них этого заслуживает? Ф.Ф. Трепов? Г.П. Судейкин?

²⁴ А.А. Филиппов, обер-фейерверкер в запасе, служивший на Охтинском пороховом заводе, в 1926 г. вспоминал: «Теперь прошло уже более 40 лет, но я очень хорошо помню свой разговор с [М.Ф.] Грачевским при первом же нашем свидании после взрыва в Зимнем дворце. На моё замечание, что заложено было мало динамита, Грачевский ответил, что все запасы не решились использовать потому, что не было полной уверенности в успехе» (Филиппов А.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. Стб. 487).